

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

СЛОВА, КОТОРЫМИ МЫ ЭТО НАЗЫВАЛИ

*Записки служащих «Управления
по водоснабжению и профилактике»*

«продукция»

бактериальная масса

«манёвры»

испытания на людях

«особая отправка»

отправка на смерть

«брёвна»

люди

По материалам Хабаровского процесса 1949 года

Александр Булгаков

СЛОВА, КОТОРЫМИ МЫ ЭТО НАЗЫВАЛИ

<https://litres.ru/74690208>

SelfPub; 2026

Аннотация

Январь 1950 года, лагерь для японских военнопленных. Бывший начальник филиала отряда 731 находит русское издание материалов Хабаровского процесса и видит: в книге нет ни одной неверной цифры — и не рассказано ничего. Шестеро служащих садятся писать свою, по трём правилам: писать только о том, что видел сам; не править чужих глав; не писать «нас заставили».

Производственник, гордившийся укладкой склянок. Интендант, составивший акт о списании восьмидесяти окровавленных одеял. Жандарм, помнящий порядок оформления справки в трёх экземплярах. Ветеринар, отбиравший в загоне здоровых овец — чтобы было чем заразить. Ефрейтор, считавший на клейкой бумаге блох.

В книге нет ни одной сцены истязания. Ужас держится на служебном языке: «продукция», «манёвры», «особая отправка», «брёвна». Восемьдесят одеял они помнят до штуки. Имен не помнят вовсе — ни одного.

Документальный роман по материалам Хабаровского процесса
1949 года.

Содержание

Пролог. Предисловие, которого не было в протоколе	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ВОДОСНАБЖЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА»	14
Глава первая. Долг, оплаченный вперёд	14
Глава вторая. Слово за обедом	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Булгаков

СЛОВА, КОТОРЫМИ МЫ ЭТО НАЗЫВАЛИ

СЛОВА, КОТОРЫМИ МЫ ЭТО НАЗЫВАЛИ

Записки служащих «Управления по водоснабжению и профилактике»

Документальный роман

18+

По материалам судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия (Хабаровск, декабрь 1949 года). Рассказчики вымышлены. Подробнее — в справке от автора в конце книги.

О содержании. Книга написана о военных преступлениях: о подготовке бактериологической войны, об опытах над людьми и о гибели тысяч заключённых. Это тяжёлый материал, и читателю следует знать об этом заранее.

При этом в книге нет ни одной сцены истязания, ни одного описания физических мучений и ни одного натуралистически подробного места. Так сделано нарочно, и об этом сказа-

но внутри самой книги: рассказчики — служащие, которые сами в камеры не входили, и о происходившем они знают из отчётов, накладных, подсчётов и телефонных звонков. Ужас здесь передаётся служебным языком, а не подробностями.

Книга не оправдывает и не эстетизирует преступления своих рассказчиков. Она написана против войны и против того устройства дела, при котором тысячи обыкновенных людей становятся его исполнителями, не делая ничего, что сами считали бы невозможным.

Пролог. Предисловие, которого не было в протоколе

*Записал Арита Сюити, подполковник медицинской службы,
бывший начальник филиала*

Книга началась из-за печки.

Я пишу это не ради красивого начала. В бараке была чугунная печь, топили её мы сами, и дежурный по бараку обязан был следить, чтобы она не погасла к утру, потому что утром в ней разжигать было нечем — бумаги у нас не было. В январе пятидесятого года дежурным был я.

Около двух часов ночи я спустился к печи с тем, что нашёл в углу у двери: кто-то оставил там русскую книгу в серой обложке. Книги в бараке не оставляли. Я решил, что её забыл переводчик, который приходил днём, и что до утра её никто не хватится, а бумага горит хорошо.

Я открыл её, чтобы вырвать первые страницы.

На титульном листе стояло: «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия». Ниже — год: тысяча девятьсот пятидесятый. Я читаю по-русски медленно, со словарём в голове, но эти слова я знал наизусть, потому что слышал их на своём суде в октябре сорок девятого примерно двести раз.

Я сел на пол у печки и просидел там до рассвета. Печь погасла. Утром мне было объявлено замечание.

Всё, что я прочёл, было правдой. Это первое, что я должен сказать, и я прошу читателя не искать здесь другого. Я не нашёл в этой книге ни одной неверной цифры. Там, где речь шла о моём филиале, числа были мои: я сам их называл, сначала на следствии, потом в зале. Двести порожних банок. Семьдесят пять тонн. Двадцать граммов. Всё верно.

И при этом не было рассказано ничего.

Страница устроена так:

Вопрос: Были ли получены вашим филиалом двести банок?

Ответ: Были получены.

Это правда, и в этой правде нет ни склада в Муданьцзяне, где они стояли, ни запаха бензина, который из них не выветривался, ни младшего унтер-офицера, который принимал их по накладной и сказал мне, что банки хорошие, крепкие. Нет того, что я подумал, когда их увидел. А я подумал: мало.

Вопрос: Как специалист-бактериолог вы понимали, какую страшную опасность для человечества представляют эти паразиты?

Ответ: Да, знал.

Так точно. Знал. Но между «знал» и тем, как я это знал, лежит четыре года моей жизни, и в протоколе их нет, потому что протокол не для этого сделан. Протокол устанавливает. Он не рассказывает.

Через неделю я заговорил об этом с Канно.

Канно Тадаси, майор медицинской службы, был в отряде начальником производственной группы четвёртого отдела, то есть человеком, который делал то, что я потом развозил по филиалам. На процессе мы сидели в одном ряду. В лагере он работал в санчасти и считался среди русских врачей знающим человеком. Он выслушал меня, помолчал и сказал:

— Вы хотите написать оправдание.

Я ответил, что нет.

— Тогда вы хотите написать объяснение. Это то же самое, только длиннее.

Я сказал, что хочу написать то, чего в протоколе нет: как это было устроено изнутри. Не почему мы это делали — на этот вопрос я не знаю ответа и не думаю, что он есть, — а как именно оно делалось. Из чего. В каком порядке. На какие деньги. Какими словами.

Канно спросил:

— Кому?

Я не нашёл сразу, что сказать, и ответил глупо: домой.

— Дома это не напечатают, — сказал он. — И читать не станут. Там сейчас другое.

— Тогда пусть лежит.

Он снова помолчал. Канно вообще молчал больше, чем говорил, и я до сих пор думаю, что это было не от сдержанности, а от осторожности: он привык, что каждое его слово кем-нибудь записывается. Потом он сказал:

— Я напишу про котлы. Про остальное пусть пишет кто-нибудь другой.

Так нас стало двое. К весне стало шесть.

Я перечислю всех сразу, чтобы потом не возвращаться.

Канно Тадаси, майор медицинской службы, бактериолог. Производственный отдел, станция Пинфань. Институт ему оплатило военное министерство, и за это он был обязан служить. Пишет об оборудовании и о числах.

Я, Арита Сюити, подполковник, начальник филиала на границе. Пишу о бумагах: приказах, накладных, отчётах, шифртелеграммах. И о том, как я всё это сжёг.

Сэгава Хидэо, ефрейтор, санитар-лаборант. Восемь классов школы. Ему был двадцать один год, когда война кончилась, и двадцать шесть, когда он согласился писать. Самый молодой из нас и получивший самый короткий срок. Пишет о том, что ему поручали, и о том, как долго он не позволял себе понять, зачем.

Фукуда Горо, фельдфебель жандармерии¹. Был при отряде в жандармской группе; возил людей с харбинского вокзала. Пишет о порядке отправки. Его главы самые короткие и самые холодные, и я просил бы читателя не пропускать их из-за этого, а наоборот.

¹ Японские воинские звания в советских документах и в переводах материалов процесса передавались привычными русскими дореволюционными словами: фельдфебель, унтер-офицер, ефрейтор, прапорщик, подпоручик, поручик. Прямых соответствий японские звания не имели; здесь сохранена та передача, которая стоит в источнике.

Маэда Киёси, поручик ветеринарной службы. Другой отряд — тот, что числился противоэпизоотическим и стоял под Чанчуном. Пишет о скоте, о пастбищах и о реке Дербул.

Ито Масао, вольнонаёмный, впоследствии офицер-стажёр интендантской службы². Попал к нам через контору по найму — искал работу. Пишет о складе, о снабжении, о ценах и весе. Он единственный из нас шестерых, кто ничего не выращивал и никого не заражал, и ему, по-моему, тяжелее всех.

Мы договорились о трёх правилах, и я привожу их здесь, потому что они определили всю книгу.

Первое. Каждый пишет только то, что видел сам или делал сам. Слухи, если они приводятся, обозначаются как слухи, с указанием, от кого. Это правило взято из протокола, и оно единственное, что я оттуда взял с благодарностью: оно не даёт прятаться в общем.

Второе. Никто не правит чужих глав. Если я считаю, что Маэда написал о себе слишком мягко, я могу сказать ему это, но вычеркнуть не могу. Поэтому в книге есть места, где мы противоречим друг другу, и мы их не согласовали.

Третье. Никто не пишет «нас заставили».

Третье правило предложил Канно, и оно нам всем далось труднее всего. Нас действительно заставили — в том смыс-

² Вольнонаёмный — гражданский служащий при воинской части, не состоящий на военной службе. В отряде № 731 вольнонаёмные составляли значительную часть персонала: лаборанты, техники, кладовщики. Интендантская служба — служба снабжения: продовольствие, вещевое имущество, расчёты.

ле, в котором любого служащего заставляет приказ. На следствии мы все это говорили, и это было записано, и это не ложь. Сэгава тогда сказал про себя: меня обманули. Это тоже не ложь: его действительно обманывали с семи лет, в школе и потом. Но если книга начнётся с того, что мы ни при чём, её можно не писать: всё это уже сказано, и сказано короче.

Был ещё спор о названии. Ито предлагал назвать «Управление по водоснабжению и профилактике» — так, как наш отряд именовался официально, с расчётом на то, что читатель поймёт издёвку. Канно возражал, что издёвка — это роскошь. Фукуда вообще не хотел названия.

Сэгава, который до тех пор в спорах не участвовал, сказал: — Назовите так, как мы это называли.

Его спросили, что он имеет в виду.

— Мы ведь ничего не называли своими именами, — сказал он. — Люди были не люди. Атака была экспедиция. Испытания были манёвры. Я считал блох и писал в графу «количество». Вот и назовите: слова, которыми мы это называли.

Так и называли.

Теперь последнее, и к этому я прошу отнестись серьёзно.

В этой книге мы будем употреблять те слова, которыми пользовались тогда. Не потому, что мы к ним привыкли, — хотя мы к ним привыкли, — а потому, что иначе ничего не объяснить. Если я напишу «я получил приказ выращивать переносчиков чумы для убийства людей», это будет верно по

существо и неверно по факту: такого приказа мне никто не отдавал. Мне была послана шифртелеграмма, предписывавшая усилить массовое размножение, и я выслал двух человек на курсы. Разница между этими двумя фразами и есть предмет нашей книги.

Поэтому дальше будут встречаться: водоснабжение, профилактика, продукция, материал, манёвры, экспедиция, особая отправка, культиватор, инкубатор, брёвна.

Если в каком-то месте вам станет непонятно, о чём идёт речь, — значит, вы поняли правильно. Нам тоже было удобно не понимать.

В конце книги мы приложили список этих слов и напротив каждого написали, что оно означало. Список составлялся последним. Он занял одну страницу и отнял у нас больше времени, чем всё остальное.

Январь 1950 — ноябрь 1955

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ВОДОСНАБЖЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА»

Глава первая. Долг, оплаченный вперёд

Канно Тадаси

В тридцать первом году я поступил в медицинский институт в Токио на правах стипендиата военного министерства.

Это надо объяснить, потому что в этой фразе всё моё дело. Министерство платило за обучение, выдавало содержание и помогало с жильём. За это выпускник был обязан поступить на военную службу врачом. Не «мог», а был обязан: это стояло в бумагах, которые подписывали и я, и мой отец.

Отец держал полтора тана земли³ и мастерскую, где подшивал обувь. Нас было четверо, я старший. Когда в нашем городке стало известно, что сын Канно будет учиться в Токио на казённый счёт, отец впервые за мою жизнь пошёл в

³ Тан — японская мера площади, около 0,1 гектара (991,7 м²). Полтора тана — примерно 15 соток: наделы такого размера кормили семью лишь при очень интенсивном труде, и крестьянские хозяйства, как правило, подрабатывали ремеслом.

парикмахерскую.

Я пишу об этом не для того, чтобы меня жалели. Я пишу это потому, что хочу быть точным насчёт того, чем именно меня купили. Меня не покупали чинами и не покупали идеей. Меня купили тем, что моей матери не пришлось просить в долг.

До двадцати восьми лет я был просто врачом. Я лечил солдат от дизентерии, от трахомы и от последствий дурной воды, и в этом не было ничего, чего я стыдился бы. Бактериологией я занялся потому, что она была новой и в ней можно было сделать имя. Это тоже правда, и она неприятнее первой.

В декабре тридцать девятого года я получил предписание отбыть в распоряжение Управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии⁴.

Название было длинное и скучное, и в этом была его работа. В армии служат десятки тысяч человек, и большинство из них никогда не задумывается, чем занимается учреждение с длинным скучным названием. Вода и профилактика — значит, колодцы, фильтры, прививки. Прекрасная, полезная служба, в которой нет ни чести, ни славы и поэтому нет и зависти.

Я ехал туда без волнения. В поезде я думал о том, что в

⁴ Квантунская армия — крупнейшая группировка японских войск, с 1919 года расквартированная в Китае (Квантунская область, затем Маньчжурия). К 1945 году насчитывала свыше миллиона человек и рассматривалась как главная сила для войны против СССР. Разгромлена советскими войсками в августе 1945 года.

Маньчжурии холодно и что надо будет написать домой адрес.

Городок стоял у станции Пинфань, в двадцати километрах от Харбина⁵.

Первым, что я увидел, подъезжая, была запретная зона. Её объявили приказом главнокомандующего: в расположении отряда и поблизости от него посторонним запрещалось жить и проходить. Это распространялось и на воздух — самолётам было запрещено пролетать над расположением. Я узнал об этом в первый же день из наставления по внутренней службе и помню, что подумал: странно, что у профилактики такое небо.

Вторым, что я увидел, было главное здание. Оно стояло замкнутым четырёхугольником, в три этажа, и я, глядя на него с дороги, решил, что это обычный тип постройки для казарм в холодном климате: двор внутри, чтобы не выдувало.

Двор внутри был. И в этом дворе, скрытые со всех четырёх сторон стенами собственного отряда, стояли ещё два здания, в два этажа, под номерами семь и восемь.

Снаружи их не было видно. С дороги их не видел никто. В первые месяцы я не задавался вопросом, что в них, потому что в городке было много построек, и все имели номера.

Теперь о деньгах, потому что деньги — это и есть струк-

⁵ Пинфань (Пинфан) — местность под Харбином, где с 1936 года располагался закрытый военный городок отряда № 731. Сейчас входит в черту Харбина; на месте бывшего отряда действует музей.

тура.

В сороковом году отряду было ассигновано десять миллионов иен⁶. Я знаю эту цифру не из газет, а из служебного порядка: часть смет проходила через меня. Из этих десяти миллионов на довольствие и содержание личного состава уходило около трёх. Остальные семь шли на производство и на то, что в бумагах именовалось исследовательскими работами.

Семь миллионов иен в год на исследования — это очень много. В тридцать девятом году в Японии это были деньги целого института, и не бедного. Я видел эти цифры и не делал из них вывода. Я делал вывод, что мне повезло с местом службы: здесь работают всерьёз, здесь не экономят на реактивах, здесь можно вырасти.

Из всего, в чём я признался на следствии, это самое тяжёлое, и признался я в этом не следователю, а здесь.

Я обрадовался смете.

Отряд делился на штаб и филиалы, а штаб — на восемь отделов. Я перечислю их в том порядке, в каком их перечисляли нам, и прошу обратить внимание на порядок.

Первый отдел — исследовательский. Основные работы в области подготовки бактериологической войны. Ему же подчинялась тюрьма отряда.

⁶ Для сравнения: месячное жалованье квалифицированного рабочего в Японии конца 1930-х годов составляло несколько десятков иен, младшего офицера — около сотни. Десять миллионов иен в год — бюджет крупного научного учреждения.

Второй отдел — экспериментальный. Проверка в полевых условиях того, что выведено в первом. Ему подчинялся полигон на станции Аньда, авиационная часть с самолётами, оборудованными специальной аппаратурой, и отделение, занимавшееся размножением паразитов.

Третий отдел — профилактика и водоснабжение, в Харбине. Единственный, который действительно занимался водой. В нём же были производственные мастерские, и они выпускали корпуса для специальных снарядов. Так что и у воды была своя доля.

Четвёртый отдел — производственный. Размножение и культивирование. Кроме того, изготовление вакцин и сывороток — это записывалось первым, когда отчитывались наверх, и вторым, когда отчитывались внутри.

Дальше материальный отдел, учебно-просветительный, клинический и общий.

Когда мне впервые назвали это вслух — начальник общего отдела, за чаем, в порядке ознакомления, — я задал один вопрос: какой отдел ведаёт водоснабжением? Мне ответили: третий, он в Харбине, вы там будете редко.

И это было всё. Больше я вопросов не задал.

Я хочу объяснить, почему. Не оправдать — объяснить, это разные вещи, как мне было указано ещё в начале нашей работы над книгой.

Когда человек приезжает на новое место службы, он занят собой. Он выясняет, где столовая, кому кланяться первым,

когда баня и у кого можно достать хорошую бумагу. Он не задаёт вопросов о существе дела, потому что существо дела, как ему кажется, выяснится само собой за первый год. Это верно: оно выясняется. Но к тому времени он уже свой, у него уже есть место в столовой, он уже кому-то кланяется первым, и ему уже достали хорошую бумагу.

Устройство нашего отряда было рассчитано на это так же точно, как автоклав рассчитан на давление.

К весне сорокового года я знал, где столовая.

Глава вторая. Слово за обедом

Канно Тадаси

Слово я услышал в апреле сорокового года, за обедом, и мне его передали вместе с солью.

Я восстанавливаю этот разговор дословно. Я умею это делать: меня учили вести протокол опыта, и я тридцать лет записываю по памяти то, что слышал днём.

Столовая была общая, на четыреста человек, с длинными столами. В тот день давали рис, суп с редькой и варёную рыбу — рыбу привозили из Харбина дважды в неделю, и в апреле она была уже не очень. За нашим столом сидело шесть человек: двое из первого отдела, инженер из третьего, я и ещё двое, которых я не помню. Говорили о зиме.

— В этом году долго не отпускает, — сказал инженер. — У меня бетон не встал, второй месяц стоит опалубка.

— У нас тоже из-за морозов задержка, — сказал один из первого отдела. Я назову его Табэ; настоящую фамилию я не хочу ставить рядом с этим. — Зато на этой неделе поступления. Восемнадцать штук.

И, не меняя голоса, через стол:

— Канно-сан, соль, если можно.

Я передал соль.

— Поступления чего? — спросил я.

— Брёвен, — сказал Табэ.

Он посолил рыбу и положил соль обратно.

Я переспросил. Я переспросил не потому, что не разобрал слово, а потому, что не понял, зачем первому отделу восемнадцать брёвен и при чём тут мороз. Я решил, что речь о топливе или о стройке.

— Я о людях, — сказал Табэ. — Их так называют. Из конспирации.

— Кто называет?

— Все. Вы тоже привыкнете.

Инженер в это время говорил, что опалубку придётся разбирать и ставить заново, и Табэ повернулся к нему и сказал, что у них в прошлом году было то же самое.

Больше за тем столом про это не говорили.

Я привык.

Это заняло, насколько я могу теперь судить, около двух недель.

Я не хочу писать здесь о том, что я почувствовал тогда. Отчасти потому, что не помню точно, а отчасти потому, что то, что я помню, мне невыгодно: я помню, что первое моё чувство было не ужас, а неловкость. Как будто я сделал что-то неприличное — переспросил вслух при посторонних то, о чём все знают и не говорят. Я покраснел. Мне было тридцать лет, я был врач, я краснел за свою нетактичность.

Второе чувство было облегчение: мне не сказали «иди посмотри». Меня не позвали. Я был из четвёртого отдела, у меня были котлы, я не имел к этому прямого отношения.

«Не имел прямого отношения» — это тоже слово из нашего списка, хотя мы не включили его в приложение, потому что оно не наше. Оно общее. Им пользуются все.

Теперь я обязан, по правилу первому, сказать, что именно я знал сам.

Я знал, что в здании внутри четырёхугольника держат людей.

Я знал, что это тюрьма, подчинённая первому отделу, и что начальником её был вольнонаёмный Исии — родной старший брат начальника отряда. Я знал, что она двухэтажная, в двух корпусах, и рассчитана на двести-триста человек, хотя при необходимости в ней содержали и больше.

Я знал, что людей туда доставляет жандармерия, и знал, что у них нет имён. У них были номера. Это я знал точно, потому что в отчётах, которые доходили до меня по другим поводам, фигурировали номера, и я ни разу — ни одного раза за пять лет — не видел на бумаге имени.

Я знал, по роду своей службы и по цифрам, которые назывались у нас как обычные производственные цифры, что в отряд доставлялось от четырёхсот до шестисот человек в год.

И я знал правило, которое у нас не было записано ни в одном наставлении и которое знали все: заражённого лечили, и если он выздоравливал, его использовали снова. И так до тех пор, пока не наступала смерть.

С этой фабрики живым не вышел никто. Я утверждаю это не по чужим словам: за всё время моей службы мне не стало

известно ни об одном случае, и ни один из моих товарищей по этой книге, включая Фукуду, который возил людей туда, не знает ни одного случая.

Я не ставил опытов в тюрьме. Этим занимался первый отдел. Я этого не делал, и на суде это было установлено, и мой защитник на этом настаивал, и был прав.

Я делал бактерии, которыми это делали.

Между этими двумя фразами в протоколе стоит слово «однако». В моей жизни между ними не стоит ничего.

Я должен отметить ещё одно. Это похоже на попытку разделить ответственность; пусть останется.

В отряде работало около трёх тысяч человек, считая филиалы. Из них непосредственно в тюрьме и при опытах над людьми бывало, по моей оценке, несколько десятков. Остальные две с лишним тысячи — варили среду, точили корпуса, водили машины, вели бухгалтерию, выдавали со склада агар-агар, следили за температурой в инкубаторах, стирали халаты, готовили еду, ловили крыс, чертили схемы, переводили с китайского, лечили сотрудников, учили курсантов и писали отчёты.

Вот что такое было наше дело. Оно было устроено так, что почти никому не приходилось делать то, чего нельзя сделать и остаться собой. Каждому в отдельности доставалась работа, которую он мог выполнять.

Это самое страшное, что я могу сообщить читателю, и я сообщаю это как специалист: убить тысячи людей невозмож-

но без того, чтобы несколько тысяч других людей занимались при этом чем-нибудь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.